

Наталья Берзина
Полоса препятствий

«Центрполиграф»

2011

Берзина Н. А.

Полоса препятствий / Н. А. Берзина — «Центрполиграф», 2011

Никита Тышкевич привык преодолевать трудности еще со времен армейской службы. Но в отличие от нее в мирной жизни иной раз сложно бывает отличить друзей от врагов, особенно когда враг прячется под личиной друга. Никита должен понять, кто мешает его бизнесу, кто пытается его разорить, и хочет наказать преступников... Не станет ли его случайное знакомство с трепетной Юлией Яновской лишь дополнительным препятствием на его пути?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Наталья Берзина

Полоса препятствий

«Все верно, беда не приходит одна. Только вчера закончилась комплексная проверка налоговой, и вот снова принимай гостей. Только пожарных не хватало для полного счастья. Как назло, капитан оказался въедливый, сует свой нос всюду, и куда можно, и куда нельзя. К такому даже подступиться не знаешь как. Язвительный, с острым, крысиным лицом инспектор, едва заметив в распахнутом сейфе начатую бутылку коньяка, сразу заявил, что спиртное не употребляет. Сейчас угрюмо бродит по территории лесопилки и что-то помечает в блокноте. Хорошо, если штрафом отделаюсь, а то приостановят работу и полетит все в тартарары. Впрочем, и штраф штука весьма неприятная, особенно сейчас, когда налоговики забрали почти все документы, – что они в них наруют, одному богу известно. Запросто могут вкатить на полную катушку. А тут еще и этот «пожарник»!» Никита зло раздавил сигарету в пепельнице.

– Что будем делать, шеф? – спросил Володя.

– Какой я тебе шеф? Забыл, как меня зовут? У отца спроси, если не знаешь, надеюсь, он еще помнит! – в сердцах рявкнул Никита.

– Никита Брониславович! Ну зачем же вы так! Я же из уважения к вам так обращаюсь! – начал оправдываться помощник.

– Если бы ты только знал, Вовочка, как ты мне надоел!

– Разве я плохо работаю?

– Я уже сказал тебе, отстань, лучше приставай к пожарному капитану, может, хотя бы от этого толк будет.

Никита отвернулся к окну и, опершись на некрашенный подоконник, стал наблюдать, как пожарный, с упрямством идиота, ковыряет штабель готовых досок. Работяги попрятались кто куда. Из арочника не доносился уже ставший привычным шум станков. Неприятная, тягостная тишина нависла над лесопилкой. Еще день простоя. Так можно и не успеть к сроку, а заказчик торопит. Хорошо хоть повезло с этим контрактом. Фирма, с которой его свел Володя, согласилась забрать весь тонкомер, а его накопилось уже достаточно. После весенних ураганов в Германии резко упал спрос на деловую древесину и маломерную доску. Свое некуда девать. Потребуется время на то, чтобы немцы переработали сваленные ветром деревья. Разумеется, нужно переждать и спрос вновь пойдет в гору, но любой простой отрицательно сказывается не только на прибыли, но и на дисциплине. Рабочие все чаще позволяют себе появляться на лесопилке после вчерашней попойки. Приходится отстранять от работы. Никита не хотел рисковать их здоровьем. Вся надежда на то, что пожарный инспектор не найдет ничего, к чему можно серьезно придраться, и уедет, так и не составив серьезного акта.

Володя, выполняя его приказ, ходил следом за «пожарником» и, судя по движению губ, что-то бубнил. «Что за странный парень? Вроде и образован отменно, и не глупый, но характер несносный. Все время ноет, вечно всем недоволен», – думал Никита, глядя на удивительно схожую пару, своего управляющего и инспектора. Чтобы чем-то занять себя, позвонил бухгалтеру – уточнил, все ли в порядке с документами.

– Да не волнуйтесь вы так, Никита Брониславович! У меня всегда все в ажуре! Не первый раз нас проверяют. Беспокоиться совершенно не о чем. Налоги у нас уплачены, в банке тоже полный порядок. Поверьте, нам ничего не угрожает! – убежденно говорила в трубку бухгалтер.

– Спасибо вам за все! Верю, что вы меня не подведете! – поблагодарил Никита.

День, до невозможности длинный, все никак не заканчивался. Больше всего Никите хотелось уехать домой, но сделать этого он никак не мог. Нужно было дождаться, пока «пожарник» закончит инспектировать производство. Володя по-прежнему не отходил ни на шаг от капитана, упрямо что-то втолковывая ему. Если бы молодой человек не был сыном старого школь-

ного друга, то Никита никогда бы не принял его на работу. Слишком нудный, слишком медлительный, слишком заносчивый. Никита не любил таких людей. Но отказать другу он не смог. Впрочем, в этом был и определенный шкурный интерес. Дружить с замом главного санитарного врача области в наше время очень выгодно. А Славик уже, казалось, целую вечность сидит в этом кресле, как он сам шутил – «Пережил уже троих главных и еще переживу!». В том, что главные врачи не слишком долго задерживались на месте, по-видимому, была определенная заслуга и самого Славика. Кто-то уходил на повышение, а кто-то попадал и за решетку. «Мне чужого не надо, ворованного хватит!» – постоянно шутил школьный друг. Что ж, возможно, и так. Жил Славик с женой достаточно скромно, хотя и в старинной двухкомнатной квартире, в престижном районе, но еще дедовской, доставшейся по наследству. Имелась у него и небольшая дачка за городом, единственное достоинство которой – река рядом, да еще, пожалуй, новенькая баня. Что и говорить, баня у Славика была знатная! Отлично срубленная, духмяная, просторная, даже с небольшим бассейном в примыкающем к парилке отдельном помещении. Бывая там, Никита любил составить компанию другу детства. Оба были заядлыми любителями настоящей бани. Впрочем, на бане все «богатства» Славика и заканчивались, машинка – дешевенький «япошка», с вечно не работающим кондиционером и капризным движком, дома тоже не сказать, что богато, оно и понятно, хоть ты зам главного санитарного врача, а жена скромный методист в РОНО, много денег никогда не будет. Но давний друг, казалось, не особо переживал по этому поводу. «Всех денег не заработаешь!» – заявлял он и продолжал жить легко и беззаботно. По-видимому, и жена его, Ирина, соглашалась с этим. Когда Никита только начал свое дело, Славик ему здорово помог, все документы оформил быстро, без проволочек, мало этого – подсказал, где лучше арендовать площади под производство.

Где-то с полгода назад Славик обратился к Никите с просьбой:

– Слушай, Вовка у меня неприкаянный, закончил юрфак, в экономике хорошо разбирается, управленец от Бога, а работу себе никак найти не может. Не берут без рекомендательных писем и стажа. Может, возьмешь его к себе? И стаж заработает, и себя проявит.

– Я в принципе и сам справляюсь. А в качестве кого ты его хочешь продвинуть?

– Да мне все равно. Просто чтобы без дела не болтался. Он у меня парень толковый, но последнее время совсем сник. Хочет работать по специальности, а его не берут.

Никита согласился, и тут началось. Володя оказался нудным и въедливым молодым человеком, совершенно не похожим на веселого, жизнерадостного отца. Да, нужно признать, работу на лесопилке он наладил, но общаться с ним было просто невозможно. Все интересы Володи ограничивались конкретными задачами. Он совершенно не понимал юмора, и если речь заходила о чем-то не имеющем непосредственного отношения к работе – обиженно замолкал. Впрочем, заметив такую его особенность, Никита сократил общение с парнем до необходимого минимума.

Заехав как-то к другу, Никита завел разговор о Володе:

– Странно! Что ты, что Ирина любите жизнь, умеете развлекаться, а Володя...

– Да, вот такой он уродился. Не поверишь, еще в школе показал свою упертость. Что по математике, что по физике буквально зубами грыз премудрость, зато литературу или географию вообще учить не хотел. Позже, в институте, лучше всех учился по основным предметам, зато все, что не касалось специальности, попросту игнорировал, только потому и не получил красный диплом.

– Ясно. А то я смотрю на него и не могу понять: молодой парень, а все интересы только в работе. У него что, и девушки нет?

– Вроде есть, как-то приводил, но встречается он с ней не чаще одного-двух раз в месяц. А что ты о Володьке заговорил? Не устраивает чем-то? Или работает плохо? – с явной тревогой в голосе спросил Славик.

– Нет, как раз с работой все в порядке. Просто так поинтересовался, – ответил Никита.

«Юля, подумай, не стоит этого делать!» – сколько раз она слышала это от мамы, от подруг, сколько говорила себе сама и все равно поступала наперекор. Наверное, просто характер такой. Вот и сейчас она понимала, что нельзя начинать разговор, но ничего не могла с собой поделать.

Солнце только поднималось над поросшим сосновым лесом берегом. Она стяхнула капли росы со скамейки и, присев, закурила. Ночь выдалась тяжелой, бессонной. Странно, обычно такое с ней случалось редко, но вчерашняя встреча словно отмотала время назад, острой болью отозвалась в сердце. Обидно, нужно же было этому случиться именно в день отъезда.

Она столкнулась с ним в троллейбусе. Он узнал ее, Юлия видела это по глазам, но не подошел, отвернулся, сделал вид, что не заметил. Андрюшка, ехавший вместе с Мариной¹ провожать ее, к счастью, его не заметил. Она успела отвлечь сына. Пряча внезапно выступившие слезы, стараясь унять предательскую дрожь в голосе, принялась что-то рассказывать Андрюшке. Удалось. Ребенок не обратил внимания на стоящего поодаль мужчину. Вот только все пережитое вернулось к ней ночью. Ворочаясь без сна в пустой постели, Юлия до самого утра не находила себе места. Поднявшись чуть свет, она отправилась в одиночестве бродить по территории санатория. Голова раскалывалась. Полынная горечь заливала душу. Нельзя позволять чувствам так властвовать над собой! Только как совладать с ними?

Юлии исполнилось семнадцать, когда мама уехала по контракту на работу в ЮАР. Решение принималось на семейном совете, обе, и мать и дочь, понимали: отказываться от столь выгодного предложения никак нельзя. Они уже устали жить считая каждую копейку, а вдруг такой случай! Юлия, как только узнала о заманчивом предложении, сразу начала убеждать маму дать согласие:

– Пойми, мамочка, я уже не ребенок. Мы с бабушкой отлично справимся. Школа уже позади. Я успешно сдала экзамены в училище. Через четыре года я обязательно получу диплом. Подумай, что тебя здесь держит? Это ведь шанс! Тем более что я остаюсь не одна, с бабушкой!

– Но, доченька, это ведь на целых три года! Я же не смогу прилетать даже в отпуск, чтобы хоть что-то сэкономить.

– Ну и что? Подумаешь, три года! Это же не вся жизнь! Кроме всего прочего, существует Интернет. Мы будем с тобой общаться ежедневно, единственное, что готовить нам придется на разных кухнях, а в общем я не вижу проблем. Не думай ни о чем, поезжай, это твой единственный шанс, ты не имеешь права его упустить. Кто ты здесь? Рядовой врач, пусть даже с кандидатской степенью. А там ты за свою работу станешь получать, наконец, достойную плату.

– Наверное, ты права, Юлия. Единственное, чего я боюсь, – так это твоей импульсивности. Страшно оставлять тебя без присмотра.

– Как это без присмотра? А бабушка? Она что – уже никак не может повлиять на меня?

– Брось, Юлька, она точно такая же, как и ты, только старше. Тот же ветер в голове, – сказала Веслава Ярославовна.

– Мамуль, ты забываешь, чья ты дочь!

– Ой, дочуня, об этом забыть невозможно. У нас у всех сквозняк в голове. Потому я так и опасаюсь. Наделаешь глупостей, потом всю жизнь расхлебывать придется.

– Мам, а не в результате ли подобной глупости появилась на свет твоя любимая дочь? – лукаво спросила Юлия.

– Да, только растить тебя одной было очень непросто.

– Между прочим, как и бабушке тебя. Вы ведь не стонали, просто жили и давали жить другим.

– Вопрос только в том, были ли мы счастливы, – с грустью сказала мама.

¹ См.: Берзина Н. Лики смерти. М.: Центрполиграф, 2008.

– А разве нет? Ты взгляни на меня, разве иметь такую дочь, умницу, красавицу, само по себе не счастье? – Юлия, извернувшись словно кошка, потерлась щекой о плечо мамы.

– Юлька, не хулигань! Выпорю! – воскликнула мама.

– Раньше нужно было! Ребенка можно воспитывать, пока поперек кровати ложится, теперь уже поздно! Выросла!

– Вот даже как? Кто же тебе это сказал?

– Как – кто? Бабушка! Между прочим, твоя родная мама!

– То, что она моя мама, я помню. Но ветер у нее в голове как был тридцать лет назад, так и остался.

– А у тебя, мамуль? Как дела с погодой?

– Слава богу, чаще дождь, чем ветер.

– Ты думаешь, что это хорошо?

– А что плохого? Все лучше, чем сходить с ума по особям противоположного пола. В моем возрасте, да будет тебе известно, это уже просто неприлично.

– Брось, мама, тебе ведь всего тридцать семь. Это по нынешним меркам даже не бальзаковский возраст.

– Уже почти тридцать восемь, сорок не за горами, – как-то устало сказала мама.

– Мам, ты на себя в зеркало взгляни! Да тебе же более молодые завидуют. Ведь ты у меня просто красавица! У тебя даже фигура лучше, чем у меня!

– Юленька, они завидуют только потому, что тащат на своих слабых плечах не только детей, но и еще и мужей, как правило ни на что не годных.

– Мам, я тебя почти никогда не спрашивала об отце. Расскажи мне о нем. Какой он был?

– Зачем тебе это? Я с ним не виделась уже почти пятнадцать лет. Да и позабыла все.

– Ты хочешь сказать, что я должна тебе поверить? Признать, что я вовсе не дитя любви, а простая случайность?

– Нет, родная, ты не случайность. Но вспоминать о том, что было, я не хочу. Твой отец замечательный человек, добрый, нежный, очень мягкий, но совершенно безвольный. Пойми, от него никто ничего не требовал, нужно было сделать лишь один-единственный шаг, но он испугался и тем самым сломал и свою жизнь, и мою, и даже твою. Ну ладно, что старое поминать. Главное, у меня есть ты.

После этого разговора не прошло и трех месяцев, как мама улетела в Кейптаун. Юлия осталась с бабушкой. Училась она старательно, неудивительно, что к концу учебного года она уже была лучшей пианисткой училища. Да и конкурс, на котором она заняла пусть и не первое, но вполне почетное второе место, тоже показал, что она чего-то стоит.

С Веславой Ярославовной Юлия действительно общалась почти ежедневно, рассказывала о себе, о бабушке. Но где-то спустя год после отъезда мама стала выходить на связь все реже, ссылаясь на занятость, на усталость. Так продолжалось до тех пор, пока Юлия, заподозрив неладное, не спросила ее прямо о личной жизни. Веслава Ярославовна не стала выкручиваться и написала правду. Письмо оказалось непривычно длинным для нее и весьма обстоятельным.

«Дорогая Юленька!

Надеюсь, что ты сможешь понять и простить свою непутевую мать. Ты оказалась права, во мне ветрености оказалось ничуть не меньше, чем в бабушке. Видимо, я слишком долго боролась с собой, решительно подавляя все то женское, чем одарила нас природа. Так случилось, что *это* неожиданно прорвалось наружу именно здесь.

Ты прекрасно знаешь, что у меня никогда не было любовников, я всегда сторонилась мужчин. Жила для тебя, отдавая все силы, чтобы вырастить достойную дочь. Теперь, когда ты уже взрослая, произошло именно то, чего я так старательно избегала все эти годы. Я встретила

мужчину, настоящего, сильного, смелого, и не смогла устоять. Если хочешь, я расскажу тебе о нем.

Его зовут Дик Байнер. Родом из Мельбурна, он уже много лет живет и работает в Веллингтоне. В Новой Зеландии. Рано овдовев, он один воспитывает сына Роберта. Славного парня, студента колледжа. Но лучше я расскажу тебе все по порядку.

Дик – врач. Хирург от Бога. У него очень легкая рука. Абсолютно все операции, что он проводит, заканчиваются успешно. Естественно, и гонорары у него отнюдь не маленькие. Мы познакомились с ним прямо здесь, в клинике. Он просто заворожил меня своим вниманием, заботой, нежностью. Но не это главное. Самым важным для меня оказалось то обстоятельство, что он увидел во мне не просто хорошего врача, не только приятную женщину, он разглядел во мне личность. Все мужчины, с которыми меня сталкивала жизнь, замечали смазливую мордашку, симпатичную попку или, не видя во мне женщины как таковой, отдавали должное моим профессиональным навыкам. Дик первый, кто смог оценить меня в целом, ярком, неразрывном.

Больше трех месяцев мы проводили вместе все вечера и уик-энды. Изучали, присматривались друг к другу. Что меня больше всего удивило, так это то, что Дик за все это время даже не пытался предпринять каких-либо активных действий. Совсем недавно он неожиданно сделал мне предложение. Словом, неделю назад состоялась наша помолвка. С тех пор мы живем вместе.

Я, наверное, никогда не смогу рассказать тебе, Юленька, как я счастлива. Единственное, что пугает меня, – так это то, что, выйдя замуж за Дика, я вынуждена буду по истечении контракта вернуться с ним в Веллингтон, а значит – оставить тебя одну.

Прости, я не спросила у тебя совета. Ты знаешь мои правила. Я никогда не навязывала тебе свою волю и никогда не позволяла этого делать никому. Сообщая тебе о своем решении, надеюсь, что ты поймешь меня. Дочурка, у твоей мамы есть веское оправдание – ты уже взрослая. Не за горами твоя собственная счастливая жизнь. Позволь же и мне почувствовать себя молодой и любимой. Это ведь так необходимо женщине. Искренне надеюсь, что ты меня поймешь и простишь.

Помни, родная, что я люблю тебя и никогда не забываю о своей единственной девочке.
Твоя непутевая мать».

Юлия помнила это письмо дословно. Теперь мама живет в Новой Зеландии. Они переписывались. Юлия была в курсе того, что у нее появился маленький брат. Веслава Ярославовна часто высылала дочери смешные фото крепкого милого малыша, по всему чувствовалось, что новая семейная жизнь полностью захватила ее и для старшей дочери в ней оставалось все меньше и меньше места. Бабушка настаивала на дальнейшем образовании внучки, упорно предлагая ей поступать в консерваторию. Юлия и сама понимала, что с ее способностями нельзя останавливаться на достигнутом. Наконец, невзирая на то, что консерватория находилась в другом городе, решение она приняла окончательно и бесповоротно. Хотя конкурс по классу фортепиано был весьма солидным, Юлия поступила без особых проблем.

Наступило первое сентября, и Юлия испытала шок. Специальность у нее вел профессор Алексей Эдуардович Марчевский, уже немолодой мужчина, почти ровесник ее мамы. Он поразил воображение Юлии с первого взгляда. Всегда корректный, предельно вежливый, деликатный, он представлял собой именно тот идеал мужчины, о котором она могла только мечтать. Влюбившись сразу и бесповоротно, она даже не пыталась сопротивляться захватившему ее чувству.

Каждый день Юлия спешила на занятия с единственной целью – поскорее увидеть его. Он сидел рядом с ней за пианино, изредка поправляя, корректируя, а когда невзначай касался

ее руки, сладкий трепет пробежал по телу. Ради таких мгновений она, казалось, готова была отдать жизнь.

Учитывая великолепную подготовку Юлии, Алексей Эдуардович предложил ей выступить на очередном, на этот раз международном конкурсе. В общежитии, где жила Юлия, пианино было весьма посредственным, и поэтому она предпочитала приходить в консерваторию пораньше, чтобы позаниматься на хорошем инструменте.

Приближался Новый год. Юлия совершенно не обращала внимания на скорый праздник, упорно работала, готовясь к выступлению. Алексей Эдуардович уделял ей все свободное время, сам того не замечая, все больше привыкал к талантливой ученице и со временем стал откровенно нуждаться в постоянном обществе молоденькой студентки. Он тоже стал приходить задолго до начала занятий, частенько оставаясь с ней допоздна в классе. В принципе в этом не было ничего особенного, ведь дома его уже давно никто не ждал.

Он женился очень рано, еще будучи студентом, но брак оказался недолгим. Его жене очень скоро наскучила жизнь с нищим студентом, и она легко поменяла Алексея на вполне успешного, более зрелого человека. Сам Алексей развод перенес тяжело и с тех пор даже не пытался повторить печальный опыт. Разумеется, какие-то женщины время от времени появлялись в его жизни, но, как правило, ненадолго. Они, словно мотыльки, слетались к ярко освещенному окну, бились в прозрачное стекло и улетали прочь, оставляя лишь разноцветные следы. Алексей оставался закрытым и недоступным. После неудачного опыта семейной жизни он не стремился к поискам очередной спутницы жизни и вскоре прослыл едва ли не женоненавистником. Встреча с Юлией пробудила в нем давно дремлющие чувства, и теперь он стремился видеться с ней как можно чаще. Подчиняясь неосознанному импульсу, он предложил тридцать первого позаниматься у него дома, мотивируя это тем, что конкурс уже скоро, а работать над техникой следует непрерывно. Юлия с радостью согласилась. Поздним утром, тридцать первого декабря, она позвонила в его дверь, нервно сжимая в руках папку с нотами.

* * *

Акт все же пришлось подписать. Как ни пытался Никита задобрить чиновника, тот оказался непреклонен. И хотя нарушения оказались пустяковыми, нервы капитан потрепал Никите основательно. Направляясь домой, он гнал машину едва ли не на пределе, злость требовала выхода. Во время службы все было иначе, он привык отвечать за своих людей, за их жизнь, безопасность. Даже в Сербии, когда приходилось быть не только командиром, но и дипломатом, Никита научился договариваться с настолько разными людьми, что сам диву давался. Здесь же, на гражданке, ему приходилось сталкиваться с таким ослиным упрямством чиновников, что от бессилия хотелось взять в руки что-нибудь тяжелое. Пожарный капитан окончательно вывел Никиту из себя. Все на месте: и пожарные щиты, и огнетушители, и схема эвакуации на случай пожара. Но в арочнике между ленточной пилой и рельсовой дорогой вагонетки, на которой подвозились стволы, не оказалось пожарного прохода. То, что он технологически невозможен, инспектор даже не стал принимать во внимание. «По инструкции должен быть!» – заявил капитан, а дальше оказалось, что в бункере полно опилок. «Вывезти и доложить!» – приказным тоном сказал «пожарник».

– Но у нас заключен договор на вывоз опилок! Мы их не перерабатываем. Есть фирма, которая занимается их прессованием. Они приезжают каждый вечер и забирают опилки! – попытался объяснить Никита.

– В таком случае и это нарушение будет занесено в протокол! – оборвал его чиновник.

Всего набралось восемнадцать подобных замечаний, включая и обнаруженную в ящике с песком скомканную газету. «Вот! – чуть ли не с восторгом воскликнул «пожарник». – Ящик

используется не по назначению!» В сумме, если принимать во внимание не суть замечаний, а только их количество, штраф получался совсем не маленький.

Никита, едва сдерживая гнев, подмахнул заполненные неразборчивым почерком страницы и чуть ли не вытолкнул пожарного капитана из кабинета. Плюхнувшись за стол, он смял пустую пачку из-под сигарет и с размаху швырнул ее в урну.

– Что ты мне теперь скажешь? Я для чего тебя послал «пожарника» пасти? – накинулся Никита на управляющего.

– Я его и пас, а то, что у нас беспорядок в этом деле, вопрос совершенно иной! – незамедлительно парировал Володя.

– Дорогой Володенька, а ты мне не подскажешь, кто у нас отвечает за лесопилку? – язвительно спросил Никита.

– А какие ко мне претензии? С моей стороны выполняется абсолютно все! Продукция идет без брака, между прочим!

– Ты, юноша, меня браком не пеняй! Его нагнали, еще когда люди только учились. У тебя была задача его сбыть!

– Все верно! Я нашел фирму Forward Ltd, они готовы забрать некондицию и тонкомер, нужно только ваше согласие.

– Я со своей стороны договор уже подписал. Так что можешь отгружать.

– А как быть с сортовой доской? Ее не хватает.

– Если не хватает, значит, пили! – отмахнулся Никита.

– В ночь смену выводить? – тут же поинтересовался Володя.

– Смотри сам. Если люди согласятся, то, думаю, можно, и так три дня практически потеряли, – согласился Никита.

Бросив машину во дворе, он поднялся на высокое крыльцо и посмотрел на заходящее солнце. Кроваво-красный закат не предвещал ничего хорошего. Больше всего на свете Никите хотелось выпить. Забыть и налоговую, и пожарных, и все прочие неприятности, разом свалившиеся на его голову. Он вошел в дом, прошел на кухню, постоял перед холодильником, захлопнул его, включил плиту, насыпал в джезву двойную порцию кофе. Дождался, когда коричневая, ноздреватая пена поднимется до самого края, перенес джезву на стол, глазами поискал чашку. Вспомнив, что не вымыл ее, уезжая утром на работу, подошел к мойке, с тоской посмотрел на грязную тарелку, оставшуюся после завтрака, потянулся было к полке, но передумал. Заставил себя взяться за мочалку. Лариса снова не удосужилась вымыть посуду, ну да ладно. Они не разговаривали уже две недели. Ничего не поделаешь, очередной женский каприз. Вот и сегодня она, не дождавшись возвращения мужа, заперлась в своей спальне.

Кофе был обжигающе горячим и почему-то совершенно горьким. Никита добавил в чашку еще сахара, но вкус не изменился. Достав коньяк, он плеснул в бокал на два пальца и вместо того, чтобы, как обычно, посмаковать благородный напиток, залпом выпил. Огненным шаром коньяк прокатился по пищеводу. Никита по-прежнему не чувствовал вкуса. Злость немного приутихла. Допив кофе, он поднялся в спальню, за окном солнце уже скрылось за горизонтом, только грязно-красная полоска еще алела на быстро темнеющем небе. Одинокая, остро-яркая звезда сияла на темно-синем, совсем уже ночном небосводе.

Телефонный звонок разбудил Никиту среди ночи. Он спросонья не смог даже понять, какой из телефонов звонит, сначала схватился за городской, несколько долгих секунд слушал гудки, затем только начал соображать, что надрыгается один из сотовых. Пока нашел, звонки прекратились. Найдя нужный телефон, Никита вошел в меню и, пока искал последний, неотвеченный вызов, телефон ожил вновь.

– Да! – резко крикнул в трубку Никита.

– Никита Брониславович? – поинтересовался женский голос.

– Да, я вас слушаю!

– Это вас из больницы беспокоят. К нам только что привезли человека, он заявляет, что работает у вас. Дело не совсем обычное, не могли бы вы подъехать к нам?

– Простите, я ничего не понимаю! Еще раз, только медленно! Что произошло? И кто вы?

– Меня зовут Елена Владимировна. Я врач хирургического отделения третьей городской больницы. К нам привезли травмированного человека, судя по его словам, он работает у вас на лесопилке. Необходимо с вами переговорить.

– Ясно, я выезжаю к вам. Где-то через час буду. Устраивает? – сказал Никита, разыскивая в темноте брюки.

– Да, вполне. В приемном отделении спросите Елену Владимировну, я спущусь.

Рассвет застал Никиту в дороге. Тихонько чертыхаясь, он ехал по пустынным улицам города, не понимая, что же такое могло произойти на его лесопилке. Ясно, что там ЧП, но вот какое. Телефон сменного мастера почему-то упорно не отвечал. Врачиха толком ничего не сказала, это всерьез напрягало. Но с другой стороны, если попавший в больницу работяга в сознании, то, значит, скорее всего, будет жить. Чего больше всего боялся Никита, так это летального исхода, тогда не отвертеться ни при каких обстоятельствах. Еще со времен службы он ясно помнил, что ответственность за потери полностью ложится на командира. Он попытался дозвониться до Володи, но у того ни один телефон не отвечал. Набирать номер Славика было совершенно бессмысленно. Володя уже два года жил отдельно от родителей на съемной квартире. Осторожно перекатившись через трамвайные пути, Никита подъехал к приемному отделению. Дверь оказалась запертой изнутри. Позвонив, он несколько минут ожидал, пока дверь откроется.

– Вам что нужно? – раздался неожиданно громкий, искаженный динамиком голос.

– Мне бы Елену Владимировну увидеть, из хирургии. Она меня вызывала.

– А вы кто ей будете? – хрипло спросил голос. Из-за сильных искажений Никита даже не мог разобрать, мужчина с ним разговаривает или женщина.

– Я ей вообще никто. Она просила приехать срочно, у вас лежит мой работник!

– С лесопилки, что ли?

– Да, именно с лесопилки! Мне еще долго здесь стоять?

– А сколько угодно!

За дверью, обитой плохо окрашенным жестяным листом, уже тронутым ржавчиной, снова воцарилась тишина. Помаявшись еще немного, Никита сообразил позвонить напрямую, с мобильного.

– Да, я вас слушаю, – тут же ответил приятный женский голос.

– Елена Владимировна? Это Никита. Я стою возле приемного покоя, но меня не пускают.

– Замечательно, что вы приехали! Я сейчас спущусь!

Действительно, не прошло и пяти минут, как неприглядная дверь отворилась и на бетонное крыльцо вышла молодая женщина в белом халате.

– Здравствуйте, Никита Брониславович, тут такое дело, вы меня извините, что я рискнула вас побеспокоить среди ночи...

– Уже побеспокоили, а теперь я хотел бы узнать, что произошло.

– Понимаете, сегодня в начале второго к нам привезли мужчину. Сильно избитого. Кто его доставил, я не знаю. Те люди просто втолкнули его в приемный покой и уехали. В такой ситуации я обязана сообщить о случившемся в милицию. Но раненый был в сознании и сам попросил прежде всего связаться с вами. Как он сказал, чтобы не было хуже.

– Короче, что с ним?

– Черепно-мозговая, переломы двух ребер, рубленая рана левого плеча, множественные ушибы. Достаточно?

– И что он говорит?

– В том-то и дело, что ничего. Молчит, как партизан на допросе. Сказал только, что будет говорить лично с вами.

– Могу я его увидеть? – немного помолчав, обдумывая сказанное Еленой Владимировной, спросил Никита.

– Для этого я вас и пригласила. Понимаете, я не хочу связываться с милицией, это не очень хорошо для больницы. И так здесь такое творится...

– Я все понял. Пошли?

– Да, конечно.

Сигарета дотлела до фильтра, едва не обожгла пальцы. Затушив окурок о край веселенькой яр-ко-желтой урны, Юлия посмотрела на затянутое утренним туманом озеро и снова погрузилась в воспоминания.

Она тогда с непередаваемым волнением приняла приглашение Марчевского. Находиться рядом с ним, слышать его негромкий голос, изредка касаться его руки стало смыслом ее жизни. Даже к конкурсу она готовилась в большей степени ради того, чтобы сделать ему приятное. Предложение позаниматься у него дома, да еще в предновогодний день она восприняла как намек на развитие дальнейших отношений. Никогда Юлия с такой тщательностью не продумывала, как ей одеться. Она была абсолютно уверена, что в подобной ситуации важно абсолютно все, начиная с белья и колготок и заканчивая украшениями.

С бельем оказалось достаточно просто: белые кружевные трусики и такой же бюстгальтер замечательно подчеркивали совершенство ее девичьей фигуры, но с колготками было сложнее. Теплые «зимние» совершенно не подходили для такого случая, а тонкие надевать было рискованно. Пятнадцатиградусный мороз, да еще с ветром, представлял серьезную угрозу. И все же Юлия решила рискнуть. Брюки она отмела сразу, решив надеть обычный костюм, купленный вместе с бабушкой перед вступительными экзаменами. Светло-зеленая ткань восхитительно оттеняла волосы цвета меди и изумрудные глаза Юлии. Он ей так нравился, что Юлия считала себя в нем неотразимой.

Добираться до дома Алексея Эдуардовича пришлось долго: мало того, что ехать пришлось на другой конец города, так еще и транспорт в предпраздничный день ходил из рук вон плохо. Едва Юлия вышла из заледеневшего автобуса, в котором немилосердно дуло по ногам, как в лицо ударил ледяной ветер. Прикрываясь папкой с нотами, она двинулась через пустырь по едва заметной, уже заметенной снегом дорожке к видневшемуся вдали микрорайону. Редкие, недавно посаженные деревья склонялись почти до земли под жестокими порывами ветра. Холод мгновенно забрался под немудреную коротенькую дубленку, а идти пришлось очень долго. Между домами ветер словно обрел новую силу и буквально сбивал с ног.

Она наконец нашла нужный ей дом. Озябшим пальцем потыкала в кнопки домофона. Алексей Эдуардович ответил сразу же, будто стоял у двери. Он встретил ее на площадке, с первого взгляда оценив ситуацию.

– Юлия, вы же совершенно замерзли! Быстро раздевайтесь и бегом в ванную. Я пока приготовлю чай.

– Нет, спасибо, я так. Неудобно. Впервые пришла к вам – и сразу в ванную, – смутилась она.

– Никаких разговоров. Немедленно! Вы что себе думаете, дорогая, свалитесь с воспалением легких, и коту под хвост вся наша подготовка?! Нам предстоит ответственный конкурс, а вы так неразумно рискуете! Господи! Да вы вообще не по сезону вырядились! – говорил Алексей Эдуардович, уже стаскивая с нее дубленку. – Вот сюда проходите и немедленно в горячую воду. Немедленно!

Только отогревшись немного, Юлия с сожалением вспомнила о безвозвратно погибшем макияже и о том, что не сможет предстать перед мужчиной своей мечты во всей красе. А так

хотелось, чтобы он оценил само ее стремление вызвать у него восхищение. И еще чтобы он поцеловал ее, по-настоящему, всерьез, обнял, прижал к себе, сильно-сильно, как только может это сделать мужчина. Она ведь еще не понимала, что чувствует девушка в объятиях мужчины. Отца она совершенно не знала, только видела фотографии, хранимые мамой в альбоме. Когда Веслава Ярославовна познакомилась с ним, он был прочно женат. Невзирая на тяжело поразившее их обоих чувство, уйти от нелюбимой жены отец так и не смог. В результате мама растила Юлю одна, и, естественно ни один мужчина не носил девочку на руках, не подбрасывал до потолка, да так уж получилось, что и мужского поцелуя она до сих пор ни разу не почувствовала. Конечно, она пробовала целоваться с мальчиками в школе, но мокрые губы, потные руки, больно сжимающие ее грудь, вызвали у нее стойкое отвращение к ровесникам. Возможно, именно по этой причине ее так притягивал Алексей. Она видела в нем того, кого ей так не хватало в жизни, – взрослого, уверенного в себе человека, почти отца, и в то же время он привлекал ее как незнакомый, пока еще чужой, неведомый мужчина, предназначенный самой судьбой в мужья. Да, именно в мужья, потому что таким должен быть муж – умным, внимательным, нежным, состоявшимся, умеющим оставаться самим собой в любых жизненных ситуациях. Юлия не сомневалась, что рано или поздно Алексей будет принадлежать ей. Что с того, что он старше почти вдвое, в конце концов, это не так уж и важно.

Сейчас, лежа в горячей ванне, она мечтала, как Алексей войдет, развернет огромное, мягкое теплое полотенце, а она величественно встанет, изящно шагнет ему навстречу, в его объятия. Мягкая махровая ткань нежно ляжет на плечи. Она ощутит тепло его рук, увидит близко-близко глаза и тогда обнимет за шею, осторожно, словно пробуя драгоценное вино, коснется его упрямых губ, вкусит сладость его дыхания и отдастся неистово, решительно, отбросив все сомнения и страхи, познает, наконец, то, о чем так много говорят. Станет женщиной, женой, любимой. Так будет, потому что только с ним она сможет обрести счастье и вечную жизнь, вечную нескончаемую любовь. Ту самую, о которой слагают песни, которой посвящают стихи и симфонии...

Осторожный стук прервал ее мечты.

– Юлия, вы не уснули? – спросил Алексей.

– Нет, что вы, Алексей Эдуардович! Я сейчас, уже выхожу! – воскликнула Юлия и, расплескивая воду, вскочила, сорвала с крючка полотенце и судорожно, дрожащими от волнения руками попыталась в него завернуться.

– Нет, нет, Юлия! Ради бога, не спешите. Я просто хотел сказать вам, что можете воспользоваться халатом, он висит в ванной, – донеслось из-за двери.

– Спасибо большое, не стоит беспокоиться! Я сейчас! – с дрожью в голосе ответила Юлия, лихорадочно одеваясь.

Напоив гостью чаем с малиновым вареньем, Алексей не спешил начать занятия. Честно говоря, у него не было ни малейшего желания садиться за пианино. До Нового года оставалось всего двенадцать часов, и потому мысли его возвращались к столь любимому с детства празднику, правда немного грустному в последние годы. Уже пять лет подряд он встречал Новый год в одиночестве. На все приглашения отвечал вежливым отказом, то ссылаясь на неожиданную простуду, то придумывая иную причину, но идти куда-либо упорно не хотел. Но сегодня сердце стучало чаще от одного сознания, что в его холостяцком доме находится очаровательная девушка. Ожидание чего-то необыкновенного носилось в воздухе. Все это заставляло его срочно что-то придумать, изобрести убедительный мотив, чтобы уговорить ее остаться, встретить Новый год вместе. На беду, ничего путного и изящного не придумывалось. Алексей уже начал злиться на себя из-за отсутствия фантазии, когда неожиданно зазвонил телефон.

Старый школьный друг Антон Вейскис, давно уехавший за рубеж, именно сегодня, волею судьбы и нелетной погоды, застрял в аэропорту. Антон с радостью принял приглашение Алек-

сея, в особенности учитывая то обстоятельство, что коротать новогоднюю ночь в аэропорту не самая приятная перспектива.

– Представляете, Юлия! Мы с Антоном не виделись, наверное, уже лет десять! А тут его угораздило застрять в аэропорту из-за непогоды. Он скоро приедет. Это замечательно! Вы не находите? – искренне радовался Алексей.

– Да, конечно. Я, пожалуй, пойду. Не буду вам мешать. Простите, что так получилось, Алексей Эдуардович, – с легкой грустью в голосе сказала Юлия. Совсем иначе она представляла день, проведенный с ним.

– Юлия, куда вы пойдете! Мороз крепчает, у вас в общежитии царит дикая предпраздничная суматоха, а у меня вы сможете нормально встретить праздник. Конечно, если у вас нет других планов. Тем более, раз уж подвернулся такой случай, я хочу вас немного поэксплуатировать. Поскольку у нас неожиданно наметился гость, то необходимо что-то приготовить, накрыть на стол, а я, положив руку на сердце, не большой мастак по этой части. Будьте любезны, помогите мне. Клянусь, буду вам искренне благодарен!

На душе Юлии разом потеплело, когда она услышала это сказанное Алексеем «у нас». Особого желания тащиться обратно в общежитие у нее действительно не было. Не любила она шумные подвыпившие компании с неизменным приставанием, попытками затащить в постель, а здесь, рядом с ним, любимым, все беды и печали отступали сами собой.

– Конечно, Алексей Эдуардович, я помогу вам и приготовить, и накрыть. Но может быть, затем я все же уйду? Как-то неудобно, у вас гость, а я...

– Не выдумывайте, Юлия, оставайтесь, встретим Новый год вместе. Все уже решено, так что никакие возражения не принимаются! – остановил ее Алексей.

– Хорошо, подчиняюсь требованию мужчины, – согласилась Юлия, – я с огромным удовольствием вам помогу. Меня учила бабушка, человек старой закалки, мне кажется, что она умеет готовить абсолютно все. Если позволите, я посмотрю, что у вас есть в холодильнике.

– Да, разумеется, я не думаю, что у меня есть все необходимое для различных разносолов, но он не абсолютно пуст! – обрадованно воскликнул Алексей.

Ознакомившись с его содержимым, Юлия моментально приняла решение и выгнала Алексея из кухни. Не дело мужчине путаться под ногами, когда на кухне орудует женщина.

Спустя пару часов, к тому времени, когда приехал Антон, работа у Юлии кипела вовсю. Осторожно постучав, Алексей попросил разрешения войти. Доставая коньяк, он восторженно заявил:

– Великолепно, у меня никогда не пахло так аппетитно! Вы, оказывается, изумительная кулинарка!

– Вы мне льстите, – улыбнулась Юлия. – Разве ваша жена не готовила? Или у вас ее никогда не было?

– Такой, как вы, – нет, – немного смущенно ответил Алексей и, неожиданно поняв, что ляпнул лишнего, поспешно ретировался.

Сердце Юлии замерло от восторга. Он почти сделал ей предложение! Как же она хотела услышать от него настоящие слова любви, идущие из самой души. Сейчас он их почти сказал.

Новый год они начали встречать досрочно. Антон оказался непревзойденным рассказчиком, к тому же обладал завидным чувством юмора. Судя по всему, он всегда был душой компании. Естественно, засиделись почти до утра. Юлии ничего другого не оставалось, как остаться ночевать у Алексея. Он предоставил ей спальню, а сам с Антоном устроился на диванах в гостиной.

Лежа в незнакомой постели, Юлия не могла поверить, что проводит первую в жизни ночь рядом с любимым. Пусть он и находится не совсем рядом, за дверью, но все равно она физически ощущала его присутствие. Постепенно сон овладел ею. Юлия видела во сне нечто

потрясающее, небывалое. А в это время в соседней комнате Алексей вполголоса разговаривал с другом. Неудивительно, что говорили они о Юлии.

Никита, казалось, был готов ко всему, но увидеть на больничной койке Петровича он никак не ожидал. Самый надежный, самый преданный работник, настоящий мастер своего дела никак не попадал в категорию риска – и вдруг...

Петрович лежал на спине, по побледневшему, враз осунувшемуся лицу было понятно, что ему совсем не сладко. Полузакрытые глаза выражали страдание. Никита осторожно присел рядом с раненым:

– Петрович, ты меня слышишь?

Веки мужчины дрогнули, суровое обветренное лицо исказила гримаса боли.

– Простите, Брониславович. На лесопилке черт знает что творится. Вся ночная смена упилась. Я успел отрубить напряжение. Там началась драка.

– Откуда они выпивку взяли? Как же ты не проследил? – чуть растерянно спросил Никита.

– Сам не знаю. Начали работать, как обычно, в восемь, а через час началось. Точно знаю, с собой никто не приносил. Похоже, заранее было припасено. Извините, Брониславович, мне трудно говорить.

– Да, конечно, тебе нужно отдохнуть. Спасибо, что сообщил. Кстати, а кто тебя привез?

– Чужие. На дороге встретил. – Раненый тяжело вздохнул и закрыл глаза.

– Все, отдыхай, Петрович.

Закрыв за собой дверь, Никита прямо в коридоре потянулся за сигаретами.

– Не здесь, идемте ко мне в кабинет, – остановила его Елена Владимировна.

– Да, конечно. Извините меня, я немного растерялся.

Отперев кабинет, Елена Владимировна пропустила вперед Никиту и, распахнув окно, поставила на стол импровизированную стеклянную пепельницу.

– Присаживайтесь. Вам нужно прийти в себя, – сказала она, опускаясь на стул.

– Спасибо! У меня к вам просьба, Елена Владимировна. Я вам заплачу, сколько скажете, но только сведения о том, что произошло с Петровичем, не должны просочиться отсюда. Поймите, мне сейчас совершенно ни к чему официальное расследование.

– Я понимаю. Разумеется, сделаю все, что в моих силах, – ответила она. – Только денег не нужно. Лучше медикаментами своему Петровичу помогите, я вам напишу то, что понадобится.

Сунув в карман бумажку, Никита вышел из больницы и, не раздумывая, поехал на лесопилку. В настоящий момент, когда нужно запускать сразу два новых объекта, интенсивно расширяться, допустить развал на уже работающем совершенно недопустимо. Солнце уже поднималось над горизонтом, когда Никита, проскочив деревню, подъехал к высокому забору, которым полгода назад обнесли лесопилку. На территории стояла напряженная тишина. Ни одного человека не было видно. Только распахнутые ворота арочника зияли зловещей темнотой. Выйдя из машины, Никита еще раз огляделся. Никого. Смена словно вымерла. Легкий ветерок шевелил разбросанный по двору мусор. Ворона клевала лежащую на усыпанном опилками настиле корку хлеба. Кран-балка, угрожающе нависнув над штабелем бревен, слегка поскрипывала. Едва заметно покачивался потертый трос с подвешенным на нем тяжелым крюком.

Тяжело вздохнув, Никита, понунив голову, шагнул к распахнутым воротам. Молоденький парнишка, из новеньких, спал, уткнувшись лицом в лужу собственной блевотины. Брезгливо перешагнув через него, Никита остановился, чтобы дать возможность глазам привыкнуть к полумраку. На грубо сколоченном столе возле конторки валялись остатки жалкой закуски, пустые бутылки, несколько смятых пластиковых стаканчиков. Прямо под столом, задрав одну

ногу на неструганую лавку, дрых оператор ленточной пилы, рядом с ним на усыпанном окурками бетонном полу стояла недопитая бутылка дешевого вина.

В комнату отдыха, расположенную над конторкой, вела крутая деревянная лестница, прямо возле нее между ящиками с инструментами валялся, неловко подломив руку, еще один рабочий, с окровавленным лицом. Из распахнутой двери комнаты отдыха доносился богатырский храп.

Проверив пульс у лежащего, Никита убедился, что тот жив, просто смертельно пьян. «Хорошо погуляли!» – подумал Никита, поднявшись наверх. Там, обнявшись, спали еще двое. Снова окинув взглядом за одну ночь превратившуюся в бедлам лесопилку, он спустился и вышел во двор. Настроение было пакостней некуда. Никита подошел к лежащему посреди двора парнишке, попытался растолкать, но безуспешно: парнишка лишь взглянул на него мутными глазами, пробормотал что-то невнятное и снова рухнул лицом в лужу. Махнув рукой с досады, Никита вернулся в арочник. Навстречу ему, размахивая здоровенной палкой, бросился работяга с окровавленным лицом, тот, что минутой раньше мирно лежал под лестницей.

Рефлекторно увернувшись, Никита коротко, но сильно, не разворачиваясь, ударил нападающего ногой по почкам и едва успел остановить себя, чтобы не добить. «Еще не хватало садиться из-за этого дерьма!» – подумал он, и в этот момент на территорию въехал запыленный милицейский уазик.

«Вообще, отлично! И эти пожаловали! Интересно, кто же их вызвал?» – успел он подумать. Благо из уазика выбрался знакомый местный участковый и, безмерно удивленный, направился к Никите.

– Доброе утро, Никита Брониславович! Что у вас тут происходит?

– Утро добрым не бывает! – буркнул Никита, ногой отбрасывая дубину подальше.

– Такое, пожалуй, да! – поддержал его старший лейтенант. – Что тут случилось? Мне только что позвонили, сказали, что у вас на лесопилке поножовщина.

– Кто позвонил? – перебил его Никита.

– Понятия не имею. Похоже, звонили из таксофона.

– Очень интересно! Я узнал, что на лесопилке пьянка, но, к сожалению, поздно. Приехал разобраться, а они уже вповалку. Все! поголовно. Тебе, пока сюда с поселка ехал, никто не попадался?

– Нет, никого не видел. А в чем дело?

– Понимаешь, у меня на смене должно было быть двадцать человек, в основном твоих, из поселка, а здесь я насчитал только пятерых. Странно это.

– Может, по домам разошлись? – пожал плечами лейтенант.

– Не исключено, вопрос только, откуда у них столько пошла? Я зарплату еще не выдавал. По идее им пить не на что. В поселке ничего такого не было? Ну, вроде свадьбы или чего-нибудь похожего.

– Нет. Да и вина такого в продаже не было, это точно! Явно из города привезли, – поднимая бутылку, задумчиво сказал участковый.

– Еще интереснее! На мой взгляд, они выпили не меньше трех-четырех ящиков. Для работяг, в переводе на деньги, это очень солидная сумма.

– Тогда нужно искать зачинщика среди городских.

– По-видимому, так, но на смене их было всего двое. Один еще спит, а второй, что ко мне добрался, трезвый. От него я и узнал обо всем.

– Что делать будете? – спросил лейтенант.

– Этих уволю ко всем чертям. Новых наберу.

– Не бойтесь, что мстить будут?

– А ты на что, лейтенант? Охраняй! За что ты у меня деньги получаешь? – глядя прямо в глаза, жестко сказал Никита. – И еще! Я, конечно, сам буду разбираться, но и ты уж мне помоги. Поищи, кто организовал это безобразие.

К приезду утренней смены Никита уже дал объявление о наборе рабочих. А спустя час пошли первые звонки.

Солнце, поднявшись над лесом, припекало все сильнее. Туман рассеялся, словно его и не было никогда. Невесть откуда взявшийся ветерок подернул легкой рябью зеркальную поверхность воды. По дорожкам то тут, то там замелькали любители утренних пробежек, а к пляжу потянулись первые купальщики. Юлия, затушив сигарету, поднялась со скамейки, отряхнула от налипшей хвои легкие брюки и двинулась к корпусу.

Со стороны стадиона доносилось металлическое звяканье, кто-то с самого утра уже «качал железо».

Непонятно почему, но именно сегодня избавиться от прошлого ей никак не удавалось. В памяти невольно всплывали те дни, когда она была так счастлива.

Финал конкурса проходил в Варшаве. Юлия, успешно пройдя все отборочные и предварительные туры, прошла в финал не просто отлично – блестяще, и тем не менее волнение, охватившее ее накануне последнего выступления, унять никак не удавалось. Если бы не поддержка Алексея, все могло обернуться иначе. Чтобы немного успокоить талантливую ученицу, он сразу после ужина повел Юлию гулять по городу. Уже не раз бывавший в Варшаве, он водил ее по Старе Мясту, рассказывал различные истории, связанные с образованием Польши, о традициях и нравах, царивших здесь в далеком Средневековье. Постепенно Юлия отвлеклась, забыла на время о предстоящем выступлении и полностью отдалась очарованию прекрасного города. В гостиницу они вернулись только в полночь. Уставшая, но счастливая от прекрасно проведенного вечера, Юлия вошла в номер.

Последние полтора месяца она встречалась с Алексеем ежедневно, но больше не позволяла себе мечтать о нем. Педагог на время заслонил в ее сознании мужчину. Но сегодня, уже в постели, она ощутила прилив небывалой нежности и любви к нему. Обняв подушку, Юлия так и уснула с улыбкой на устах.

На следующий день, в ожидании своего выступления, Юлия сидела в зале, изо всех сил сжимая руку Алексея. Он что-то говорил ей, но она не слышала слов. Только тепло его сильной руки давало некоторое успокоение. Наконец объявили ее выход. Все страхи, волнения, тревоги разом отступили, когда, уже сидя за роялем, Юлия взглянула на Алексея. Он, весь подавшись вперед, смотрел на нее с такой нежностью, с такой любовью, что она мгновенно успокоилась и начала играть. Сейчас, да, впрочем, и тогда сразу после выступления она так и не могла вспомнить, как играла. В себя она пришла лишь после того, как отзвучали последние аккорды. Она замерла за роялем. Тишина звенела в ушах. Прошло несколько долгих, томительных минут, прежде чем зал взорвался аплодисментами. До самого объявления итогов Юлия сидела рядом с Алексеем, нежно поглаживающим ее руку. Она чувствовала, что никогда так еще не играла, потому что в этот раз ей удалось вложить в исполнение всю свою любовь к лучшему из мужчин. И вот, наконец:

– Гран-при конкурса в напряженной борьбе по праву завоевала Юлия Яновская!

Она даже не поверила, лишь послушно встала, повинуясь жесту Алексея. Перед ней были только его сияющие от счастья глаза, она не слышала ни восторженных выкриков, ни поздравлений, ничего, видела только радость на лице Алексея да его что-то шепчущие губы.

Затем все было как во сне. Торжественная церемония, роскошный диплом, солидный денежный приз – все это существовало теперь будто бы в параллельной жизни. Юлия весь вечер не сводила влюбленных глаз с Алексея, слышала и видела только его одного, словно не

существовало ни шумной толпы вокруг, ни назойливых корреспондентов. Она осталась рядом с ним, единственным во всей вселенной.

Уже в гостинице, проводив Юлию до ее номера, Алексей сказал:

– Знаю, что вы голодны. Как вы смотрите на то, чтобы сегодня никуда не идти, а заказать ужин в номер? Мне кажется, вы слишком устали, чтобы идти в ресторан.

– Я согласна, – ответила она. – Только, если вы не возражаете, давайте поужинаем у меня в номере. И, пожалуйста, закажите вино, я считаю, мы просто обязаны отпраздновать нашу победу.

– Отлично, я сейчас же оформлю заказ. Или вы хотите немного отдохнуть?

– Нет, я слишком долго этого ждала, – решительно сказала Юлия, с вызовом посмотрев в глаза Алексея.

Теперь уже невозможно установить, то ли так подействовало вино, а может, просто обстоятельства сложились таким образом, но ужин закончился в постели. Алексей и сам уже, по-видимому, не в силах был сдерживать свои чувства. Все произошло так естественно и красиво, что, даже проснувшись поздно утром, ни он, ни Юлия не испытали ни малейшего чувства дискомфорта, что, как говорят, случается после спонтанного секса. Да и не секс это был вовсе, просто два любящих человека, наконец, без лишних слов перешли к новой фазе отношений. Едва открыв глаза, Юлия стала трогать его лицо, плечи, грудь, с опаской и восторгом изучая, познавая любимого в новом, неведомом до этого качестве. Она даже не винила его за ту короткую боль, что он причинил ей в тот самый момент. Ну не могла же она сказать Алексею прямо, что еще ни разу не оставалась вот так, наедине с мужчиной, справедливо рассудив, что в наше время это нонсенс. Впрочем, он сам быстро справился с изумлением и, проявив присущую ему тактичность, не стал задавать неуместные вопросы. Как не велика была их усталость, но в эту ночь они почти не спали.

Вернувшись из Варшавы, они уже почти не скрывали своих отношений. Все чаще Юлия оставалась ночевать у Алексея. Все большую привязанность испытывали они друг к другу. Любовь, о которой каждый из них мечтал, наконец нашла их. То, что произошло дальше, вполне закономерно. У Юлии случилась задержка. Сначала она не обратила внимания, мало ли что бывает, но и конец мая не изменил ситуацию. Воспользовавшись тем, что утром у нее не было занятий, Юлия отправилась в женскую консультацию. Подозрения подтвердились – беременность. Это слово, услышанное от врача, привело Юлию в восторг. Только вчера Алексей предложил ей выйти за него замуж, а тут такая новость.

Ликующая Юлия, словно на крыльях, летела в консерваторию, до которой оставалось меньше квартала, когда ей навстречу с включенной сиреной пронеслась «скорая». Внезапный испуг вдруг ледяной коркой сковал сердце. Каким-то шестым чувством ощутив беду, она бросилась к дверям.

– Что случилось?! Кого «скорая» увезла? – задыхаясь от волнения, выкрикнула она, заметив в толпе знакомую девушку.

– Алексея Эдуардовича! У него прямо на занятиях сердце схватило, – ответила та и тут же уточнила: – А это правда, что у тебя с ним... ну это самое?

– Отстань! Куда его повезли?! В какую больницу? – на грани истерики спросила Юлия.

– А я почему знаю! Это только на скорой можно узнать, – пожала плечами сокурсница.

Целый час Юлия разыскивала Алексея, а когда наконец нашла больницу, в которую его увезли, едва не потеряла сознание. Алексей Эдуардович Марчевский скончался в приемном покое, едва его выгрузили из машины скорой помощи. Юлия тихо опустилась на пол...

Володя, приехав, как обычно, в половине девятого, был, казалось, безмерно удивлен рассказом Никиты. Он сидел в кабинете и только беспомощно разводил руками.

– Кстати, а где ты был сегодня ночью? У тебя ни один телефон не отвечал! – неожиданно спросил Никита.

– Я?! Я дома был! Это... спал! – растерянным, внезапно задрожавшим голосом ответил Володя.

– Точно?! А кто это может подтвердить?

– Я даже не знаю! А почему вы меня об этом спрашиваете? На каком основании допрос?

– Никто тебя не допрашивает. Я просто спросил тебя, где ты был прошедшей ночью? Ты не брал телефон.

– Ну так это же понятно! Я был не один. Потому и телефон не брал. Я с подружкой был.

– Интересно. Давно она у тебя живет? – уточнил Никита.

– Нет, она приходит иногда. Изредка. Иногда остается ночевать, – уже придя в себя, уверенно отвечал Володя.

– Ты хочешь сказать, что при необходимости можешь меня с ней познакомить?

– Разумеется!

– Ладно! Иди работай. Хотя постой! Я уволил всю ночную смену. Так что тебе набирать людей. Я уже дал объявление, народ звонит. Я назначил позвонившим собеседование на сегодня, на три часа. Если меня не будет – поговоришь с ними сам.

Отпустив Володю, Никита долго смотрел, как одно за другим бревна исчезают в проеме приемного люка, чтобы спустя полчаса превратиться в аккуратные пакеты остро пахнущих еловой смолой досок. Смена работала слаженно, быстро. Никита наблюдал за рассчитанными движениями такелажников. Он любил свое дело.

После увольнения из армии сидеть без дела не хотелось, и он нашел себе применение. Занял денег и купил эту лесопилку. Не все поначалу шло гладко: и технологию пришлось отлаживать, и людей подбирать, и вот теперь, когда появилась возможность совершить качественный скачок, начались неприятности. То проверка налоговой, то этот пожарный вчера, а теперь, в довершение всего, ночная попойка. «Мне сейчас не этой лесопилкой нужно заниматься! Через месяц нужно запустить на полную мощность две новые. Если Forward Ltd будет забирать продукцию в таких количествах, как сейчас, то работа пойдет просто замечательно. Все же, как ни раздражает меня сын Славика, но партнеров он нашел очень интересных. Условия невероятно льготные! Предоплата пятьдесят процентов, забирают некондицию! Берут практически все подряд! Отлично! Только бы удалось за них зацепиться!» – думал Никита, глядя на уменьшающийся штабель бревен.

Володя умело руководил работой, по большому счету Никите нечем было заняться на лесопилке. В середине дня он выехал в город, необходимо было навестить Петровича, да и на строящиеся объекты уже давно пришла пора показаться. Но в первую очередь – в больницу.

Елены Владимировны в отделении уже не было. Накинув когда-то белый, донельзя застиранный халат, Никита прошел в палату к Петровичу. Тот чувствовал себя уже намного лучше, чем ночью, по крайней мере, мог вполне сносно говорить.

– Расскажи мне, Петрович, подробно, как там все началось, – попросил Никита, после того как тот поведал ему о своем самочувствии.

– Да что, собственно, рассказывать? Я уже говорил вам, что не видел, откуда взялась выпивка. Только когда один за другим работяги стали появляться на площадке подшофе, я приказал прекратить работу. Сразу же начался скандал. Больше всех шумели, как обычно, «химики», те, что из поселка. Мол, и так уже три дня не работали, зарплаты в этом месяце не жди, а им жить не на что. Тогда я и вырубил напряжение. Единственное, что успел сделать, – так это сунуть в карман предохранитель. Вот, пожалуй, и все!

– Не совсем. А ты можешь сказать, кто тебя бил? – спросил Никита.

– Нет. Темно было. Когда я повернул рубильник, кто-то подсветил фонариком. Тут сразу и началось. Кто-то, я не узнал голоса, крикнул: «Мочи шестерку!» Меня сбили с ног. Дальше

вообще ничего толком не помню. Били со всех сторон. Пытался как-то защищаться, но лежать много не навоюешь. Удары сыпались сразу отовсюду. Фонарь постоянно светил в лицо. Я ничего не видел. Даже не могу сказать, кто мне руку разрубил.

– А дальше?

– Да ничего дальше и не было. Когда они оставили меня в покое, выбрался потихоньку из арочника и побрел в сторону поселка. На дороге остановил машину. Там ребята ехали, как я понял – поддатые. Попросил довести до города. Да! Девчонка с ними была, она и настояла на том, чтобы меня того... ну, в больницу отвезли. Они мне помогли в приемный покой зайти, а сами тут же уехали. Вот и все. Когда врач меня осматривала, я попросил связаться с вами. Мобильник я свой где-то потерял.

– Еще раз спасибо тебе, Петрович. Если бы не ты, дело могло закончиться совсем плохо. Сунулся бы какой-нибудь идиот под пилу, и все! Кранты лесопилке!

– Я так и понял. Лучше уж простой, чем несчастный случай. Тем более по пьяной лавочке. Разбираться тогда никто не будет, закроют лесопилку – и труба.

– Ты совершенно правильно поступил. Выздоровливай. Ты мне нужен будешь на новой площадке.

– Никита, а что с теми, что напились? – спросил Петрович.

– Уволил на хрен! Чего их жалеть?! – резко бросил Никита.

– А не боитесь? Вдруг сожгут?

– Отбоился я. Хватит! Да и участкового я уже настропал.

– Ну, дай бог! – вздохнул Петрович, откидываясь на подушку.

Придя на завтрак, Юлия увидела за своим столиком нового соседа. Коротко стриженный, плечистый, на вид лет сорока с небольшим, угрюмый, будто чем-то подавлен; очевидно, приехал только сегодня утром.

– Приятного аппетита, – сказала она, но мужчина лишь что-то неразборчиво буркнул в ответ.

Пожав плечами, Юлия потянулась за стулом, но мужчина неожиданно проворно встал и помог ей сесть.

– Спасибо! – удивленно воскликнула она, но, в ответ снова услышав неразборчивое бормотание, недоуменно хмыкнула и принялась за еду.

Искоса поглядывая на нелюдимо соседа, Юлия отметила, что он довольно крепок, хотя и немолод, весьма прилично одет, да еще ест быстро, но не жадно, словно не придавая этому ни малейшего значения. Он ушел не попрощавшись, бросив на стол небрежно скомканную салфетку. Выше среднего, широкоплечий, мужественный и крайне несимпатичный – сделала вывод Юлия.

Санаторий, в котором она оказалась благодаря матери одной из учениц, по своему статусу был военным. Со стороны попасть сюда было крайне сложно. Юлии сказочно повезло, что она оказалась здесь в номере полулюкс, да еще за такую смешную цену! Родительница предложила ей горящую путевку с пятидесятипроцентной скидкой. Посоветовавшись с Мариной, Юлия согласилась и уже вчера под вечер ступила на территорию этого довольно закрытого заведения.

Если бы не вчерашняя встреча, то она, пожалуй, смогла бы в полной мере оценить и великолепный сосновый бор, в котором прятались корпуса санатория, и несравненную красоту голубых озер, между которыми, на высоком перешейке, и находился санаторий. Все бы она оценила, если бы не Дэн.

Вчерашняя встреча больно ударила в самое сердце, невозможно было поверить, что его она называла своим мужем, с ним хотелось быть неразрывно, ежеминутно, что ему посвящала стихи и песни, которые втайне сочиняла. Именно о нем она писала в дневнике, том самом,

сокровенном, который начала вести вскоре после знакомства с ним. Хотя после разрыва Юлия забросила как дневник, так и стихи.

Что послужило побудительным мотивом этого романа? Трудно сказать. Возможно, извечное желание женщины чувствовать рядом с собой мужчину или что-то еще? Теперь уже и не вспомнить. Тогда, в тот яркий, незабываемый вечер, Маринка вытащила ее на ночную дискотеку.

Впрочем, Юлия и сама не слишком сопротивлялась, хотелось развеяться, хоть немного побыть в шумной, веселой компании. Гулянья во время фестиваля не прекращались всю ночь. Юлия с Мариной перемещались с одного места развлечений в другое и всюду, что называется, отрывались по полной программе. Юлия не считала себя писаной красавицей. Немного выше среднего роста, довольно крупная, с тяжелой, развитой грудью, она никогда не решилась бы конкурировать с Мариной, обладавшей изящной, словно точеной фигуркой, но тем не менее мужчины одинаково провожали их обеих восторженными взглядами.

Неподалеку от старой ратуши собралась компания молодежи, просто включили магнитофон и устроили импровизированную дискотеку прямо на улице. Заинтересовавшись, Марина и Юлия подошли поближе. Вот тут-то и пригласил Юлию на танец молодой высокий светлорусый парень. На свою беду, она согласилась. Возвращались домой втроем. Почему она тогда дала свой телефон Дэну, Юлия не понимала до сих пор. Так одна-единственная ошибка повлекла за собой всю роковую цепь.

На следующий вечер Дэн пригласил ее на концерт. Вежливый, предупредительный, он был предельно корректен и тем самым очень импонировал Юлии. Они начали встречаться каждый день. Гуляли, иногда забредали на дискотеки.

Ежедневно Юлия с нетерпением ожидала вечера и звонка Дэна. Уложив Андрюшку спать, она хотя бы на пару часов окуналась в радостную атмосферу молодости. Дэн почти не говорил о себе, только много расспрашивал Юлию, внимательно слушал. Ей было приятно его внимание, и она, не кривя душой, рассказывала ему о себе почти все. Дэн был поражен, узнав, сколько ей лет и что у Юлии есть ребенок, – он искренне считал ее своей ровесницей. В то время она не придавала особого значения тому, что ее другу исполнилось всего лишь двадцать. К тому же разумное поведение Дэна не давало поводов для каких-либо опасений. В общем, Юлия на первых порах воспринимала отношения с Дэном как обычные дружеские. Но фестиваль подошел к концу, к тому времени Юлия нашла место преподавателя в том же музыкальном училище, которое когда-то закончила сама. Через неделю предстояло приступить к работе, да и сына нужно было готовить к школе. В повседневных хлопотах она и не заметила, как Дэн исчез с ее горизонта.

Он позвонил спустя две недели, пригласил на вечеринку. Вечер у Юлии был свободен, а Андрюшка с удовольствием отправился к Марине, согласившейся за ним присмотреть. Дэн заехал за ней на весьма приличной иномарке, галантно распахнув дверь, помог сесть. Несколько удивленная, Юлия, не удержавшись, спросила:

– Твоя красавица?

– Нет, что ты! Я пока на такую не заработал. У друга взял покататься, – спокойно ответил Дэн.

Они мчались по вечернему городу. Из мощных динамиков неслась приятная музыка. Настроение было прекрасным. Единственное, что немного беспокоило Юлию, – так это непонятно откуда взявшееся желание обнять Дэна. Это желание, родившееся как-то исподволь, понемногу разрасталось, становясь все сильнее, заполняя всю ее, заставляло краснеть, отвечать Дэну невпопад. К счастью, они доехали относительно быстро. Вроде и не совсем окраина, но домики небольшие, частные, и вдруг, словно сказочный дворец, вздымающийся среди молодых сосен, возник громадный дом, а дальше за крошечной рощицей угадывалась река, давшая название городу. Сам дом, выстроенный, очевидно, недавно, из белого кирпича, с простор-

ными балконами, огромными зеркальными окнами, резко контрастировал с бедной, невыразительной, старой застройкой.

Остановив машину в просторном дворе, Дэн помог Юлии выбраться из уютного кожаного салона. И, взяв под руку, провел на второй этаж. В необъятной комнате уже находилось не менее пяти пар. Вечеринка традиционно началась с роскошного застолья. Вино лилось рекой. Но, невзирая на то что к полуночи все разбилось по парам, Юлия с Дэном остались в гостиной, не поддавшись очевидному соблазну.

Далеко за полночь Юлия начала собираться домой. Дэн, не отходивший от нее ни на шаг, тут же предложил вызвать такси, но она отказалась и предложила прогуляться пешком. Ночь и впрямь была чудесной. Они долго брели в предрассветных сумерках по спящему городу. Она даже на время забыла, что рядом с ней совсем еще мальчик и что у Марины ее ждет сын. У подъезда они долго стояли обнявшись. Юлия безумно не хотела, чтобы Дэн уходил. Тянула время. Наконец расставшись, она поднялась в пустую квартиру и дала волю слезам.

После смерти Алексея она мучительно долго приходила в себя. Сразу после экзаменов навалилась жесточайшая депрессия. Юлия, приехав на каникулы домой, никуда не выходила, сидела запершись в своей комнате. Ей было очень плохо, сильный токсикоз не самое приятное состояние. Но беда не приходит одна. Неожиданно скончалась бабушка. Еще одни похороны, и Юлия осталась совершенно одна в целом мире. Мама, занятая своим ребенком, ничем не смогла ей помочь. Она прислала вызов, но Юлия отказалась уехать в Новую Зеландию.

Когда Юлия снова обратилась в женскую консультацию, выяснилось, что, невзирая на все перенесенные ею страдания, мальчик развивается нормально. Очередной удар жестокая судьба нанесла ей, когда начались занятия в консерватории: узнав о беременности, ее попросту выставили из общежития.

Никита разговаривал с бригадиром монтажников, когда позвонил Володя.

– Пришли машины от Forward Ltd! Можно начинать отгрузку? – выпалил он счастливым голосом.

– Володя, ты проверил платежки? – первым делом спросил Никита.

– Да, все в полном порядке! Печати, подписи, все на месте! Грузим? – обрадованно кричал в трубку Володя.

– Да, начинай! Я подъеду, как только освобожусь! – сказал Никита.

«Отлично! Сегодня отгрузимся, а через пару недель получим остальные деньги. Сейчас первым делом нужно будет проплатить заказанные станки, да на пару новых участков денег хватит», – прикидывал он, вполуха слушая бригадира.

– ...мы сюда поставим. Конечно, по схеме это не совсем то, что планировалось, но уверен, так будет намного удобнее.

– Что? – переспросил Никита.

– Я говорю, что подъемник мы установим...

– Да, все верно! Согласен. Ты мне лучше скажи, когда закончите? Мне нужно уже в июне запустить производство.

– Да мы все успеем, Никита Брониславович! Не сомневайтесь!

– Хорошо, как договаривались: если успеваете в срок, оплачиваю сто процентов, если на неделю раньше, добавляю премиальные.

Разобравшись с делами на строящейся лесопилке, Никита отправился на следующую, туда, где уже монтировали оборудование. До самого вечера он пробыл там, что-то организовывая, отдавая срочные распоряжения, и в запарке так и не перезвонил бухгалтеру, чтобы уточнить получение денег на счет.

Уставший, почти без сил, Никита вернулся домой. Все попытки дозвониться до Володи оказались тщетными. Рухнув в постель, он почти сразу же уснул. Лариса пыталась, зайдя к

нему в спальню, что-то доказывать, но Никита почти не слышал ее. Утром, варя себе кофе, Никита вспомнил о несделанном звонке. Босым ногам было прохладно на плиточном полу, и потому он постоянно переступал на месте. Наблюдая за поднимающейся шапкой пены, Никита потянулся к телефону:

– Алло! Ирина Максимовна, доброе утро! Я вас не разбудил?

– Доброе утро, Никита Брониславович. Нет, я уже внучку в садик отвела. А вам почему не спится?

– Дел слишком много. Скажите, пожалуйста, деньги от Forward Ltd вчера поступили?

– Простите, не поняла? Это мы вчера деньги перевели на Forward Ltd!

– Что? Какие деньги? – растерянно воскликнул Никита. – Зачем мы им их перевели?

– За оборудование! Пришла платежка, за ленточные станки. Согласно вашему распоряжению я, как только получила платежные документы, тут же перевела всю сумму! Разве что-то не так?

– Подождите, а деньги за отгруженную продукцию? Разве мы не получили?

– Нет! К нам никаких денег не поступало! – срывающимся от волнения голосом сказала бухгалтер.

– Я к вам сейчас приеду! – крикнул Никита в трубку. На плите яростно шипел убежавший кофе.

Взбежав на второй этаж, Никита в нетерпении рванул на себя дверь. Ирина Максимовна, взволнованная, раскрасневшаяся, уже стояла в прихожей, растерянно прижимая к груди руки.

– Документы у вас? – с порога спросил Никита.

– Разумеется, но я уже посмотрела, там все в порядке!

– Покажите?!

В комнате Никита прошел прямо к столу и схватил распечатки. Внешне все выглядело вполне законно. Обычная платежка, все реквизиты в порядке, только вместо Fortuna Ltd стояло Forward Ltd!

– Ирина Максимовна, скажите, вы в курсе, от кого мы получаем оборудование?

– Разумеется! Я же не полная дура! Мы покупаем станки у трех фирм: это «Фортуна» – ленточные, «Форвард» – заточные и «Стандарт» – многопильные. Разве не так?

– «Фортуна» поставляет нам и ленточные, и заточные! «Форвард» покупает у нас доску! Они покупатели! – уже кричал Никита.

– Но, Никита Брониславович, вы же сами подписывали платежные документы! Вот посмотрите! Это же ваша подпись! – Бухгалтер протянула Никите бумаги.

Едва взглянув на платежки, Никита почувствовал, как подкосились колени. Все верно, он тогда подписывал всю пачку, только бегло просматривая, а подсунул документы ему Володя. Володя?! Никита выхватил телефон. Уже почти восемь, он должен уже ехать на лесопилку, значит, телефон у него должен быть включен. После долгой серии гудков телефон замолчал, Никита снова и снова нажимал кнопку вызова. Безрезультатно!

Опустившись в кресло, Никита посмотрел на Ирину Максимовну и как-то совершенно спокойно сказал:

– Вы знаете, нас примитивно обокрали. Могу я у вас попросить кофе?

– Одну минуточку. Сейчас сделаю! – воскликнула Ирина Максимовна и устремилась на кухню.

Когда она вернулась, картинка у Никиты уже начала складываться. За все годы, что он занимался лесом, его ни разу так не проверяли. Разумеется, ежегодные проверки были, куда от них деться, но чтобы одна за другой – такого никогда не случалось. Не хватало еще, чтобы проверили технику безопасности и санстанции. Стоп! А ведь пьянка-то могла быть неспроста! Почему вдруг приехал участковый? Ему кто-то позвонил! С таксофона! Значит, из города – в поселке нет таксофонов. Следовательно, человек, находясь за двадцать пять километров, знал

или думал, что знал о беспорядках на лесопилке! А не мог ли все это подстроить человек, которому просто выгодно уничтожить Никиту? Но тогда он должен быть очень близок к нему. Быть в курсе всех дел. Тогда получается только один подозреваемый – Володя, единственный сын школьного друга. Остается все проверить, и, если подозрения подтвердятся, придется выяснять причину.

– Ваш кофе, Никита Брониславович, – сказала бухгалтер, ставя перед ним чашку.

– Спасибо, – задумчиво произнес Никита, но к чашке так и не прикоснулся. – Знаете что, я поеду, а вы, как только откроется банк, попробуйте отозвать платеж. Может быть, удастся. Иначе мы с вами практически разорены.

– Хорошо, к открытию я буду в банке.

– Тогда я поехал. Нужно разобраться до конца. Извините меня, Ирина Максимовна, я накричал на вас.

– Ничего страшного, надеюсь, это было в первый и последний раз. Я постараюсь исправить все, что возможно. Платеж я отправила в конце дня, есть надежда, что можно успеть.

Первым делом Никита отправился на лесопилку, происшедшее поселило в его душе нехорошее чувство тревоги. Чем ближе он подъезжал к поселку, тем сильнее становилась тревога, но то, что он увидел на площадке, повергло его в шок. Там, где еще вчера громоздились пакеты с досками, остался лишь чистый бетон. Только в самом углу грузовой площадки стояли уже пожелтевшие от времени штабеля с некондицией. Качественной продукции не было вообще.

Никита некоторое время тупо смотрел, как внезапно налетевший ветер поднял тучу пыли, перемешанной с опилками, затем, постаравшись собраться с силами, направился в арочник.

Сменного мастера Никита нашел в конторке.

– Как прошла отгрузка? – спросил Никита, опускаясь на деревянную скамью.

– Замучились, Никита Брониславович. Представляете, девять машин за один вечер! Раньше мы никогда больше трех не грузили. Закидали все, грузовую площадку хоть подметай.

– Молодцы, а номера машин и копии путевок у тебя?

– Нет, что вы! Володя все забрал. Сегодня он еще не приезжал. Ждем.

– Не стоит, работайте спокойно. Кругляк у вас еще есть?

– Да, дня на три хватит, – ответил мастер.

– Хорошо, работайте! – стараясь оставаться спокойным, сказал Никита.

Теперь на очереди была встреча с участковым.

Сразу после завтрака начались процедуры. В первый же день, пройдя широкомасштабное обследование, Юлия ужаснулась: в ее возрасте такое количество всевозможных болячек не могло обрадовать. Но раз уж подвернулась такая возможность поправить здоровье, она решила ее не упускать. Теперь весь день у нее был расписан по минутам. Лечебная физкультура, массаж, ванны, различные прогревания, грязи – все следовало одно за другим. После завтрака до самого обеда она только и делала, что переходила из кабинета в кабинет. В коридоре лечебного корпуса она столкнулась с неразговорчивым соседом по столу. Он только коротко кивнул ей и пошел дальше, не удостоив Юлию даже словом.

Сейчас, лежа в согревающей остро пахнущей лечебной грязи, Юлия, невольно расслабившись, опять словно вернулась в прошлое...

До конца октября правдами и неправдами она оставалась жить в общежитии. Но исход, сравнимый для нее с изгнанием из рая, был предreshен. В тот день она сидела в парке, на скамейке, с видом на Свислочь. Вселенская тоска неподъемной глыбой навалилась на нее, готовясь раздавить своей тяжестью. За последние полгода она потеряла сразу двоих самых близких и дорогих ее сердцу людей. Не стало Алексея, отца ее еще не рожденного ребенка. Умерла

бабушка, оставив ее без незримой, но такой необходимой поддержки. Исчезла последняя опора в жизни. Теперь последняя капля – если ее выгонят из общежития, то ни ей, ни ребенку попросту негде будет жить. Придется либо бросать консерваторию, либо умирать на улице.

Холодный ветер пронизывал Юлию насквозь. Стылая грязная вода плескалась в двух шагах от нее. Мутная, с пятнами мазута и плавающими пивными бутылками, она притягивала Юлию. Невольно подталкивала к окончательному решению. Если прямо сейчас встать на гранитный парапет и сделать всего один лишь шаг, ледяная вода мгновенно пропитает одежду. Потяжелевшая, она тут же потянет ко дну. Грязная пленка на поверхности плеснет в глаза. Вонючая, пахнущая тиной вода заполнит рот, хлынет в легкие. Силясь глотнуть хоть немного воздуха, затрепещет грудь, вместо спасительного кислорода наполняясь мутной водой с плавающими окурками.

Неистово забьется сердце. Сознание начнет меркнуть, и спустя минуту-другую не станет ни Юлии, ни ее так и не появившегося на свет сына. Разом оборвутся две жизни, и вскоре никто не вспомнит о ней.

– Ты чего плачешь, деточка? – Незнакомая пожилая женщина остановилась напротив Юлии.

Юлия сидела, съжившись, даже не чувствуя ни порывов холодного ветра, ни того, как по щекам катятся слезы, уже по сути прощаясь со своей неудавшейся, такой короткой жизнью.

– Что с тобой случилось, детка? – повторила вопрос женщина.

– Так, ничего, просто жить негде, – ответила Юлия, не поднимая глаз.

– От родителей, что ли, бежала?

– Нет, что вы! Меня из общежития выгнали. У меня маленький скоро будет, а в общежитии не положено, – тусклым, каким-то не своим голосом сказала Юлия, окончательно осознавая неизбежность происходящего.

– Что ж ты теперь делать будешь?

– Даже не представляю, – грустно сказала Юлия.

– Ты учишься или работаешь? – поинтересовалась женщина.

– Учусь, в консерватории, на пианистку.

– Серьезно? Вот здорово. А ребеночка что ж так неаккуратно нагуляла?

– Не нагуляла я! У меня муж был! Мы только расписаться не успели. Умер он! Весной! – с досадой выкрикивая слова, защищалась Юлия, неосознанно прикрывая руками уже заметный живот.

– Ну, прости детка, не знала я. Пойдем со мной! Я одна живу, у меня даже фортепиано есть, только расстроенное, но это можно исправить. Домик у меня небольшой, но места всем хватит, и тебе и малышу.

– Спасибо вам! Но только с деньгами у меня туго, я много платить не смогу!

– А и не нужно платить. По хозяйству мне поможешь, то, другое, и на том спасибо, а ребеночка родишь – я смогу тебе помочь.

Надежда Петровна не только предоставила Юлии кров, но и оказала серьезную помощь, когда родился Андрюшка. Едва оправившись после родов, Юлия начала подрабатывать где только возможно. Занималась репетиторством, играла в кафе, но денег постоянно не хватало. С новым педагогом назревал серьезный конфликт. Он постоянно высказывал свое недовольство плохой подготовкой Юлии. Ее исполнение действительно во многом потеряло прежнюю виртуозность. Но играть в кафе Юлия не прекращала, эта работа позволяла хоть как-то сводить концы с концами.

Сдавая бабушкину квартиру, она, конечно, выручала кое-какие деньги, да от некогда полученной на конкурсе премии что-то еще оставалось. Но ребенок рос, а вместе с ним и расходы. А любые деньги имеют нехорошую тенденцию рано или поздно заканчиваться, вот Юлия и старалась заработать любыми путями.

Шли годы, Андрюшка рос бойким, славным мальчуганом. Надежда Петровна помогла устроить его в ясли, затем в садик. Если бы не она, Юлии пришлось бы совсем туго. Они жили как одна дружная семья, но прошло время – и Юлия, наконец, закончила консерваторию. Пришла пора возвращаться домой. Прощание с Надеждой Петровной было трогательным и немного грустным, они обе очень привыкли друг к другу, но Юлии предстояло возвращаться в родной город.

Дома неожиданно наступила разрядка. Целую неделю Юлия практически не выходила из дома. Большую часть времени она просто сидела неподвижно, уставившись в одну точку. Из оцепенения ее выводил только Андрюшка. Так продолжалось до тех пор, пока ей не позвонила Марина. Именно встреча с ней, давней подругой и соседкой, встряхнула Юлию.

То, что она раньше считала катастрофой, теперь, после разговора с Мариной, представилось совершенно в ином свете. У нее после сильной, глубокой любви остался Андрюшка, а вот у Марины не было даже и этого. Столько лет сгорать от любви к мужчине, открыться ему и быть отвергнутой – это ужасно. Конечно, Юлия тоже не смогла бы работать с ним и прекрасно понимала, почему Марина ушла. Ей очень повезло, что у нее есть сын, ведь Андрюшка – это продолжение той любви, что останется с ней навсегда! А Маринка одна!

А затем... затем в ее жизни появился Дэн! Едва Маринка узнала о том, что Юлия встречается с ним, как тут же заявила: «Не делай этого, Юля!»

Но та, как обычно, не послушалась.

Однажды вечером она пригласила Дэна зайти. С тех пор он стал появляться в ее доме. Возился с сыном, оставался часто допоздна, иногда помогал в чем-то по дому, раз даже отремонтировал водопроводный кран на кухне. Постепенно он занял такое место в ее жизни, что Юлия уже не представляла, как сможет обходиться без него. Но до определенного момента между ними не было близости. В конце концов она устала бороться с собой и однажды предложила Дэну остаться.

В одну ночь весь прежний мир рухнул! На его руинах воцарился Дэн! Незаметно он полностью подчинил себе Юлию. Вначале она не слишком сильно ощущала зависимость от него, но постепенно жизнь ее превратилась в ад. Юлия не понимала, что произошло с Дэном, – с каждым днем он становился все более и более властным. Позволял себе командовать ею, принуждать, а Юлия терпела, сносила то, чего в другое время не простила бы никому. Она полюбила его со всей страстью, со всей нерастраченной силой. Прощала ему абсолютно все, а Дэн, заполучив ее в собственность, снова стал исчезать, подолгу не появлялся. Он жил так, как ему было удобно.

Для Юлии жизнь превратилась в непрерывное ожидание. Редкие ночи, что Дэн проводил с ней, не приносили покоя. Прозрение наступило слишком поздно.

– Здравствуй, старший лейтенант! Это Никита Тышкевич тебя беспокоит. Скажешь мне сегодня что-нибудь новенькое?

– И вам доброго здоровья, Никита Брониславович. Вы можете ко мне подъехать прямо сейчас? – тут же отозвался участковый.

– Отчего же не заглянуть в гости к хорошему человеку. Ты где сейчас, в конторе?

– А где же еще! Как всегда, на боевом посту!

– Тогда жди. Через пять минут буду, – сказал Никита, садясь в машину.

Опорный пункт, где обычно обитал участковый, находился в центре поселка, рядом с магазином и давно запущенным, полуразрушенным клубом. Никита подъехал к самым дверям. Вышел из машины. Посмотрел на синее весеннее небо и решительно вошел внутрь. Старший лейтенант сидел за утым колченогим столом и что-то печатал одним пальцем, усердно шевеля губами. Заметив вошедшего Никиту, он привстал, протянул ему руку и жестом предложил сесть.

– Здорово, лейтенант. Рассказывай об успехах, – сказал Никита, выбирая стул попрочнее.
– Дело такое, Никита Брониславович, поговорил я с вашими людьми...
– Уже не моими, я их всех уволил. Короче излагай, – остановил лейтенанта Никита.
– Ладно, уже не вашими. Так вот. Один из них отличился уже здесь, в поселке. Как только добрался до дому, принялся с самого утра сожигательницу гонять. Ясное дело, меня вызвали, я на него посмотрел да и запер, до выяснения.

– Ваши поселковые дела меня не касаются. Конкретней излагай.

– Порасспросил я его, – невозмутимо продолжал участковый. – И рассказал этот молодец душеспитательную историю. Только они приступили к работе, как подъехала машина к воротам. Подъехала и заглохла. Не заводится, и все тут. Водитель попросил работяг подтолкнуть. Те плату потребовали. Водила, не стал спорить, и... выставил ящик бормотухи! Мужики обрадовались, толкнули «мазду», та завелась, хоть и не с первого раза. Тут хозяин машины и говорит работягам, мол, у меня сегодня праздник большой, выпейте за мое здоровье! И открывает багажник, а там... еще четыре ящика. Вот и прикиньте, Никита Брониславович. Сто бутылок на два десятка мужиков. Было с чего повеселиться.

– А что «мазда»? – уточнил Никита.

– А ничего! Уехала, и больше ее не видел никто.

– Номера?

– Не смешите меня, Никита Брониславович! Какое мужикам дело до номеров, когда столько халявного пошла с неба упало!

– Тоже верно. А хотя бы цвет?

– Обычная красная «мазда». Триста двадцать третья. Древняя как мир. Нет, даже не думайте, машину не найти. Их в городе не одна сотня таких красных бегают. Все на одно лицо. Лучше вспомните, у кого из ваших недоброжелателей есть такая машина.

– Врагов у меня нет, а вот у друзей... Знаешь что, лейтенант, думаю, ничего страшного не случится, если ты на пару часов бросишь свой боевой пост и подъедешь со мной в одно место. Побеседую я сам, а ты своим видом и формой шорох наведешь.

– Никаких проблем, Никита Брониславович. Готов.

Участковый был парнем сообразительным и лишних вопросов не задавал. Тихо сидел рядом с Никитой, пока машина мчалась по пустынному шоссе, ничего не уточнял и когда, проскочив по мосту, направились в сторону площади с вознесшимися в бездонное небо тремя штыками. Ничего лейтенант не спросил и когда «мерседес» остановился возле небольшого трехэтажного здания на тихой улочке, среди начинающих уже зеленеть старых лип. Серьезное заведение, ничего не скажешь, сюда с поклоном приходят люди самого разного уровня.

– Ты ничего не спрашиваешь, просто стоишь рядом и светишь погонями. Понял? – уточнил Никита, когда они шли по коридору.

Лейтенант только кивнул в ответ.

Никита едва сдерживал гнев. Она все же сделала это, хотя он ее и предупреждал, ну и дрянь! Ладно, можно смириться с тем, что особой любви между ними не было, но почему нужно было поступать так гадко? Да, он отказал ей в покупке этой гребаной шубы. Ну для чего ей еще одна, когда и так моль не успевает поедать те, что у нее висят в шкафах! Никита не поверил, когда она заявила, что отомстит.

Он заехал домой на минуту, просто забрать документы. В холле, прямо на полу лежал простой листок бумаги, вырванный из тетради в клетку. Никита даже не представлял, что в доме можно найти нечто подобное. Короткая записка, адресованная ему, потрясла своей нелепостью и цинизмом. В первый момент он едва не потерял контроль над собой.

«Никита, как ты понимаешь, любви между нами никогда не было и не могло быть. Ты всего лишь кредитная карточка. Увы, она закончилась.

Я уезжаю с человеком, который оказался и сильнее тебя, и умнее. Он переиграл тебя, и теперь, когда ты нищий, нет смысла цепляться за твой кошелек. К тому же он еще и вдвое моложе тебя. Прощай, уже давно не твоя, *Лариса*».

Чтобы хоть немного подавить гнев, Никита вышел на крыльцо и долго курил, глядя на яблони. Успокоение пришло не сразу. Вернувшись в дом, достал из холодильника бутылку минералки, одним неуловимым движением, просто как-то ловко крутанув большим пальцем, открыл, сделал пару глотков. Шум машины за окном привлек его внимание. Из смешной, крошечной «мини» выбиралась Лариса. Постояв немного возле машины, она как-то бочком, робко направилась в дом. Увидев мужа, она вздрогнула, словно ее ударили по лицу.

– Прости, Ники. Я сделала страшную ошибку! Он оказался просто подлецом. Я на коленях прошу тебя о прощении.

Никита закурил, сделал несколько затяжек, затушил сигарету. И, не глядя на уже бывшую жену, негромко сказал:

– Ты свободна! К вечеру, к тому времени, когда я приеду, духу твоего в доме быть не должно. Развод я оформлю сам. Можешь забрать все, что сможешь унести на себе. За этим Виктор присмотрит. По разводу я не дам тебе ни цента, так что шубы, побрякушки и прочую ерунду тащи в руках.

– Ники, прости меня, я была не права! Все для тебя сделаю, только не прогоняй меня! – умоляла Лариса, стоя на коленях.

– Нет, все кончено! Убирайся! – по-прежнему не глядя на нее, бросил Никита и, оставив на крыльце недопитую бутылку, направился к машине, на ходу доставая ключи.

Вернувшись на лесопилку, Никита устроил разгон работягам. Возможно, этого и не стоило делать, но состояние у него было далеко не лучшее. Поздно вечером, подъезжая к дому, он почувствовал себя плохо. Неясная тупая боль сжимала в холодных клещах всегда спокойное и такое надежное сердце. Где-то слева, глубоко под лопаткой, ржавая игла царапала и царапала кровоточащий комок плоти, нанося все новые и новые незаживающие раны. Оставив машину во дворе, он поднялся в дом.

– Никита Брониславович?! Что с вами? – всполошился помогающий по дому Виктор, едва завидев хозяина.

– Ничего, Витя, ерунда, – ответил Никита и обессиленно опустился в кресло. – Плесни мне коньяку.

– Может быть, лучше скорую вызвать? – возразил Виктор.

– Я сказал, коньяк! – взревел Никита и, попытавшись встать, схватился за грудь.

К приезду скорой он почувствовал себя уже лучше, но врач все же настоял на госпитализации. Никита не любил ни больниц, ни госпиталей, потому всеми правдами и неправдами спешил вырваться из больницы. Проведя в палате четыре дня, он уломал лечащего врача, договорился с завотделением и под подписку покинул неуютные стены. О проблеме по имени Лариса он почти забыл, просто стер на время из памяти, как ненужную информацию. Главным было не запустить работу, особенно сейчас, когда фирма, понеся пусть и серьезные потери, была в стадии расширения. Деньги, переведенные в Forward Ltd, удалось спасти. Конечно, потеря готовой продукции была невосполнима, но, взяв кредиты, можно было говорить о восстановлении запасов кругляка и, соответственно, о заключении новых контрактов на поставку досок.

Даже находясь в больнице, Никита продолжал в меру сил руководить фирмой. Как не хотелось ему брать нового управляющего, но болезнь заставила пойти на такой шаг. К счастью, нашелся знающий и ответственный человек. После выписки врачи рекомендовали Никите пройти курс реабилитации. Впрочем, и друзья не оставались в стороне. Не забыли о нем и первая жена с сыном. Под всесторонним давлением Никита сдался.

С Любой Никита расстался по обоюдному согласию. Когда сыну исполнилось пятнадцать, они оба пришли к выводу, что жить вместе невозможно. Нет, они не ссорились, для этого Люба была слишком умна, но напряжение между супругами в любой момент грозило перейти критическую отметку. Наконец они приняли единственно верное решение. Как ни странно, но после развода отношения между бывшими супругами стали улучшаться. Люба не препятствовала участию Никиты в воспитании сына, а он в свою очередь всячески старался ей помогать. Из них не получилось семейной пары, но друзьями они остались на всю жизнь. Сын Юрий незаметно вырос, окончил военное училище, как и отец стал десантником, теперь уже старший лейтенант.

Когда с Никитой случилось несчастье, первыми к нему на помощь пришли именно бывшая жена и сын. Они-то и настояли на том, чтобы после больницы Никита поехал в санаторий. Попасть в него было непросто, но сослуживцы, просто знакомые, с которыми Никита сталкивался во время службы, помогли. Теперь путевка в санаторий Министерства обороны уже лежала в его кармане.

Перед отъездом Никита созвонился с хозяином частного сыскного агентства. Вечером того же дня они встретились. Никита, не привыкший прощать обид, без колебаний заказал сбор всей информации, связанной с Володиёй, пообещав весьма достойное вознаграждение. Глеб², владелец сыскного агентства, пообещал выполнить заказ в кратчайший срок.

Уже в дороге Никита невольно стал подводить итоги своей жизни. Результат его не обрадовал. В сорок восемь лет он снова оказался один. Пусть Лара не была идеальной женой, но он по-своему был привязан к ней. Когда на одной вечеринке он познакомился с восхитительной молодой девушкой, то почему-то вдруг решил, что судьба преподнесла ему удивительный подарок. Ослепительно-красивая, далеко не глупая Лара очаровала его. После месяца нечастых свиданий Никита предложил ей выйти за него замуж. Она согласилась не раздумывая. Поначалу все шло замечательно, рядом с молодой женой он воспрянул духом и сам чувствовал себя моложе. Но вскоре начались проблемы. Лариса становилась все капризнее, требовала все больше. Впрочем, Никита был щедр с ней и никогда не отказывал в ее просьбах. Сейчас он понял, что сам разбаловал Ларису. Но ее ультимативное требование о покупке очередной шубы обескуражило его. Никита только что купил место под еще одну лесопилку, а цена скромной шубки как раз равнялась стоимости двух новых станков, которые ему были крайне необходимы. Разгорелся скандал. Никакие уговоры не действовали. Он несколько раз пытался поговорить с ней, но, увы, безуспешно. Спустя две недели, все еще продолжая злиться на мужа, Лариса пригрозила ему самой изощренной мстостью, на которую способна женщина. Никита все равно не уступил, и вот результат: жены у него больше нет.

«Ну и черт с ней! Проживу и без нее. Сам виноват, старый дурак. Нечего было жениться на молоденькой», – в сердцах думал Никита, сворачивая к санаторию.

Скользнув между огромными вековыми соснами, дорога уперлась в шлагбаум. Армия всегда остается армией. Дежурный по КПП, подтянутый солдатик, немного лениво, чуть вразвалочку подошел к машине. С непринужденной грацией отдав честь, поинтересовался целью прибытия. Никита предъявил путевку и направление. Караульный, бегло ознакомившись с документами, вернул их владельцу и, в очередной раз козырнув, вернулся в свою застекленную будку. Шлагбаум неторопливо пополз вверх, открывая дорогу. Никита не спеша повел машину по прекрасной асфальтированной дорожке. Слева и справа от дороги раскинулся сказочный сосновый бор. За порядком здесь, видимо, следили весьма тщательно. Ни бурелома, ни упавших деревьев, лишь мягкий зеленый мох да редкая лесная трава. Время от времени Никита замечал гуляющих в отдалении людей. Почти два километра пришлось проехать по лесу, прежде чем он увидел блеснувшие стеклом корпуса. Санаторий казался странным сим-

² См.: Берзина Н. Зловещий маскарад. М.: Центрполиграф, 2010.

биозом воинской части и лечебного заведения. С первого же взгляда, как любой служивый человек, он определил, где что находится. Там лечебные корпуса, там столовая, чуть в отдалении хоздвор. Даже документы пришлось оформлять в штабе. Впрочем, для него, относительно недавно оставившего службу, такое было не в диковинку. Оставив машину на стоянке, Никита поднялся в свой люкс и с удовольствием обнаружил, что здесь армия закончилась. Прекрасные двухкомнатные апартаменты обладали всеми удобствами, необходимыми для комфортабельного отдыха. Бросив на диван сумку, Никита осмотрел комнаты, привыкая к тому, что станет его окружать последующие три с лишним недели. Не разбирая вещей, позвонил управляющему, убедился, что на фирме полный порядок, и расслабленно опустился в уютное кресло. До завтрака оставалось чуть больше получаса, и заняться было абсолютно нечем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.